

Я в отчаянии. Опыт превращения в смертного у меня уже был, но вот невозможность использовать пространственный браслет из-за запечатанной духовной энергии — это действительно доставляет неудобства. Моя зубная щетка, которую я с таким трудом смастерил, и зубная паста, выключенная у А-Гуна! Кролик, твой хозяин страдает. Если ты хоть что-то чувствуешь, пришли мне хоть какие-нибудь предметы первой необходимости. Хорошо хоть одежда — это магический артефакт, пыль к ней не липнет... Отбросив одеяло, я решил не заморачиваться и бросил его прямо на пол — всё равно не испачкается. Игнорируя этот крупногабаритный мусор, я сделал утреннюю зарядку, а затем решил вопрос с умыванием. Не успел я придумать, как быть дальше, как живот предательски заурчал.

Делать нечего, пришлось завтракать с невымытым лицом — жареной птицей. Глядя, как он радостно отдает мне кусок без подпалин, а сам грызет обугленную сторону, я нахмурился и молча принялся за еду. Это лишь потому, что я проголодался, а вовсе не из-за того, что его слезы выглядят жалко, да и устал я с самого утра. Решив проблему с гигиеной, я твердо сказал себе: никакой жалости.

Ел, пил, нашел бамбук, вырезал из него флейту и от скуки упражнялся. Он, как привязанный, ни на шаг не отходил, наблюдая за моими делами и время от времени отгоняя приближающихся змей и насекомых. Если бы не отсутствие духовной энергии, эти мерзкие гады и близко бы ко мне не подобрались... Никакой жалости. В один из дней, проснувшись, я обнаружил рядом несколько свежих фруктов. Приведя себя в порядок, я принялся за завтрак, осматриваясь по сторонам.

Обычно, стоило открыть глаза, я сразу видел его, но сейчас он сидел ко мне спиной, глядя в небо и погрузившись в свои мысли. Я поднял взгляд: несмотря на густую листву, небо сегодня казалось особенно мрачным. Должно быть, сегодня его небесная кара... Аппетит внезапно пропал, и я отложил фрукт. В голове пустота: неужели после сегодняшнего дня мне больше не придется коротать время в такой праздности? И не нужно будет слушать его бормотание, когда он, выкладывая всё, что с ним приключилось, заставляет сердце сжиматься от жалости... С его то неоднородной и слабой духовной энергией, да еще и при таком хилом телосложении и посредственных техниках... Если никто не поможет, он точно не пройдет это испытание.

Способы изменить исход есть — например, сменить технику совершенствования во время самой кары, заимствуя силу небес для перерождения тела... О чем я думаю? Нельзя... проявлять жалость. Время медленно текло, небо становилось всё темнее, послышались глухие раскаты грома. Вспышка ослепительно белой молнии озарила всё вокруг, и я увидел, как он обернулся. Его лицо было бледным, исполненным скорби, но уголки губ дрогнули в улыбке облегчения. Если бы не катящиеся по щекам слезы, можно было бы подумать, что ему всё равно. Пятнадцати-шестнадцатилетнее детское лицо... он еще совсем ребенок, и этот умоляющий взгляд, ищущий утешения, отзывался болью в моем сердце.

Тот миг отчаяния, отразившийся на его лице, когда он обернулся, заставил стены, которые я с таким трудом возводил вокруг себя последние дни, рухнуть. Эх... знал же, что дрогну, ну и пусть, проиграл так проиграл. Я поднялся, сделал несколько шагов и заключил его дрожащее тело в объятия, погладив по голове: Всё в порядке, это пройдет.

Его напряженное тело обмякло, он уткнулся мне в грудь и пробормотал: Прости... мне

страшно...

Чувствуя влагу на своей груди, я сжал объятия еще крепче. Буду считать, что у меня появился младший брат, о котором нужно заботиться. Мой мозг лихорадочно заработал, сканируя техники, подходящие для его телосложения. Хотя я и лишился духовной силы, но мое тело — плоть бессмертного, так что молнии демонического зверя мне не страшны. Я приподнял его голову, большим пальцем стер слезы и мягко сказал: Хороший мальчик, называй меня братом. Слушайся меня, понял?

Он растянул губы в улыбке, кивнул, а потом яростно замотал головой: ...Младший брат... ты младший брат... всё сделаю, как скажешь.

Раздался грохот, меня с силой повалили на землю — я увидел, как огромная белая молния ударила ему в спину. Плечо, за которое он вцепился, отозвалось болью до самых костей. Кровь из уголков его рта закапала мне на лицо, а затем меня прижали к его груди, и я услышал лишь звук падающих капель.

Я слегка отстранился и увидел, как он рукой вытирает мое лицо, бормоча извинения: ...Испачкал, А-Цзы... я тебя испачкал...

Сердце вдруг пронзила острая жалость. Мне захотелось опекать этого ребенка. Небесные кары можно искупить, но от собственной глупости не спастись. Глядя на А-Цзы, который при любой возможности лнул ко мне, страдая от острой нехватки тактильного контакта и патологической неуверенности в себе, я лишь беспомощно вздыхал. Несколько ударов молнии едва не лишили его жизни, но после освоения новой техники он совершил прорыв и стал начинающим демоническим бессмертным.

Как я ни пытался, сколько ни уговаривал, пока губы не до крови стер, он наотрез отказался снимать путы, связывающие бессмертных. Стоило завести об этом речь, как его глаза наполнялись слезами, и он смотрел на меня так, будто я его бросаю. Ладно, пускай мечи Люцзин разбираются с ними, они как раз потихоньку перерезали веревку, словно серпы.

Но как быть с этим способом подавления духовной энергии? В итоге этот несносный ребенок заявил, что у него нет противоядия! Как можно травить кого-то, не имея антидота? Неужели мне суждено рано или поздно умереть от его рук? Бросив взгляд на А-Цзы, которому не требовался сон, я со скрежетом зубным отвернулся и заснул. Как долго действует этот яд? Может, стоит покончить с собой, чтобы проверить, снимет ли это отравление?

Утром, едва я открыл глаза, А-Цзы тут же прильнул ко мне. Я потер переносицу, глядя на внезапно появившееся рядом фруктовое дерево, и лишь вздохнул. Даже если хочешь показать свою силу, не обязательно вырывать дерево с корнем — ему было нелегко вырасти таким толстым, да и большинство плодов еще зеленые. Оттолкнув прохладного А-Цзы, я встал и накинул на него одеяло, накрыв с головой. Прополоскал рот водой из листа лотоса, протер лицо платком, кое-как собрал волосы и сорвал несколько плодов с дерева, чтобы перекусить. Залез на ближайшее дерево — змеи вокруг с шорохом разбежались, по крайней мере, на

первый взгляд, их больше не было видно.

Достал бамбуковую флейту и заиграл жалобную мелодию. Тяньян, если ты не появишься, я полезу на стену! Почему ты не приходишь ко мне во снах... Неужели занят спаррингами со своими подчиненными?

Перестав играть, я огляделся — А-Цзы, который обычно ни на шаг не отходил, не терся рядом. Это странно. Мой взгляд упал на свернутое одеяло, которое, казалось, слегка дрожало. Прислушавшись, я уловил приглушенные всхлипывания. Старая рана дала о себе знать?

— Мой малыш, не грусти, не печалься, не отдавай этому мальчишке слишком много чувств. Мама не хочет, чтобы ты в будущем плакал. Тяньян, ты ведь больше всего любишь мягкосердечных малышей, иначе мощь небесной кары не была бы так ослаблена...

Нахмурившись, я всё же не выдержал, прыгнул с ветки и подошел к нему. Прислушавшись через одеяло, спросил: Тебе плохо?

Звуки внутри стихли, а затем раздался сдавленный ответ: ...Нет... А-Цзы в порядке...

Голос звучал так, будто он стиснул зубы. Почувствовав неладное, я откинул одеяло. Он, как и ожидалось, свернулся клубком и дрожал, весь в холодном поту, зубы стучали, а из уголка рта сочилась кровь. Я снова укрыл его одеялом, вытер платком кровь, а он, захлопав глазами, улыбнулся: ...Ничего... всё хорошо, они хотят, чтобы А-Цзы вернулся... поэтому больно... холодно... но я не вернусь...

Снова они. Это какая-то организация? Они контролируют своих людей ядом? Я не сводил с него глаз, пока он не отвел взгляд, чувствуя себя виноватым.

Глухо спросил: Это какой раз?

...Третий, — тихо ответил он и поспешно добавил: — Нужно... перетерпеть девять раз... осталось... шесть... А-Цзы всё хорошо... считает.

Очередной приступ боли прервал его слова, он до крови прикусил губу, из плотно закрытых глаз потекли слезы.

— Открой рот.

Он послушно разжал зубы, и я вложил ему в рот фрукт, чтобы спасти его нежные губы. Девять раз — это значит, что после девятого приступа он погибнет, или же это проверка на прочность? Судя по его словам, организация эта не из добрых, скорее всего, девятый приступ станет последним. Существует много секретных снадобий для контроля бессмертных, но они слишком ценны, использовать их как средство контроля — невыгодно. Достаточно наложить

несколько печатей, зачем травить? Что касается лекарств, я помню большинство рецептов, составов пилюль и способов создания артефактов, но всё это лишь теория.

Без духовной энергии сейчас туго, но если потратить время, я смогу подобрать противоядие... Нужно решить текущую проблему. Я перевел взгляд на А-Цзы, кажется, этот приступ подходил к концу.

— Кто они?

— Не могу сказать, если узнаешь, они будут тебя обижать... Пусть больно будет только А-Цзы... — его затуманенные глаза моргнули, он выглядел растерянным, а затем внезапно лизнул нижнюю губу и прошептал: — А-Цзы понял, надо вернуться, иначе они обнаружат, что я жив, придут и найдут тебя. К тому же, А-Цзы теперь бессмертный, а бессмертным не нужно работать каждый день, есть время отдохнуть, и Большое Дерево больше не посмеет меня обижать.

Он самодовольно кивнул, то хмурясь, то улыбаясь: Стану бессмертным, буду жить в маминой комнате... Да, надо быстрее возвращаться, а то они рассердятся, и будет беда.

Я ошарашенно смотрел, как он, пошатываясь, встает и начинает суетиться. Значит, при переходе на уровень бессмертного статус в организации повышается? У них строгая иерархия, жаль, что карта, которую дал А-Гун, подробно отмечает лишь редкие ресурсы и лекарственные травы, но не указывает границы влияния различных сил. Максимум — территории Небесного Пути и великих держав...

Мою талию охватила рука, и А-Цзы медленно поднял меня в воздух. Мы прорвались сквозь кроны деревьев, и зеленая земля внизу начала стремительно удаляться. Я не впервые летал, но сейчас почувствовал головокружение, мне ужасно не нравилось ощущение потери контроля. Несмотря на то, что я испытывал к А-Цзы жалость, в сердце закипало недовольство, да и обида никуда не делась. Он такой упрямый! Если бы не моя запечатанная энергия, возможно, остатки яда в его теле уже исчезли бы, и мы свободно гуляли бы по миру! Эх... придется действовать по обстоятельствам, а там на месте придумаю, что делать. Люцзин, постарайтесь хоть немного, перережьте эти путы поскорее. Пусть я временно не могу питать вас энергией, но вы же высокоранговые артефакты, неужели позволите бессмертному инструменту держать вас в узде!

— Не бойся, А-Цзы теперь бессмертный, а ты — мой младший брат, к тому же некрасивый, они не будут тебя обижать.

У меня перехватило дыхание! Я некрасивый?! Ха-ха! От ярости я рассмеялся. Ты, неблагодарная тварь, как смеешь называть меня уродливым! Я, между прочим, связал по рукам и ногам ту самую непревзойденную красавицу, сильнейшую в мире, и даже... кхм... не оставил от нее камня на камне. Пусть я не выгляжу как те высокомерные небожители, чьи лица кажутся неземными и безупречными, но в современном мире я был бы сногшибательным, статным и чертовски привлекательным кумиром миллионов! Если бы вы

все не были такими искусителями, задирая планку красоты до небес, мне бы и не пришлось... Пф! Я не лицом зарабатываю, какая разница, как я выгляжу. Неприятный тип, решил, что больше не хочу иметь с тобой никаких дел!

— ...Не знаю, жив ли еще Сяо Пэн, его крылья были оторваны, удалось ли ему стать демоном... Сяо Хуа исчез прямо в звездном небе, как хорошо, что ему не пришлось страдать...

Слушая бормотание этого несносного ребенка, я перестал мысленно ругаться. Сяо Пэн? Без крыльев? Стать демоном? Неужели это тот самый Куньпэн... Цанлан сказал, что это дело рук главаря тех людей. Что им нужно от Цанлана? Я почесал в затылке. Знал бы — расспросил подробнее, сейчас не был бы в таком замешательстве. Одно ясно: эта организация специализируется на управлении зверями. Странно, зачем игрокам тратить силы на контроль существ, которые даже до уровня бессмертных зверей не дотягивают? В реальности у них уровень не ниже небесного бога, и хотя в игре нет законов, и ради прокачки игроки часто идут на убийства, но к коренным жителям мира обычно проявляют снисхождение. Это закон, по которому игра существует так долго: одна-единственная жизнь важнее, чем жизнь игрока.

На сердце стало тяжело: если кто-то действительно нарушает этот закон столь жестокими методами, придется с ними разобраться. Линъюань, отдаленная планета совершенствования, из-за отсутствия опасностей игроки здесь почти не появляются, разве что высокоранговые личности в поисках трав.

Всю дорогу ребенок что-то бормотал, но чем ближе мы приближались к планете, тем тише он становился. Достигнув окраины, он вовсе замолчал, а его движения стали скованными. Я покосился на А-Цзы, который был на четыре-пять сантиметров ниже меня, его изящное лицо было напряжено, брови сдвинуты. Ничего не поделаешь с этим упрямым, своенравным и немного бестолковым ребенком. Я протянул руку, чтобы погладить его по голове, но не успел коснуться, как его тело резко выпрямилось, а фиолетовые волосы, свисавшие до самых пят, взметнулись вверх и обвилились вокруг моего запястья...

Молчу... снова молчу...

Ребенок пришел в себя, волосы, скользкие, как змеи, упали вниз, и он глупо уставился на мое запястье. Я презираю тебя! На что смотришь? Сам же натворил дел, в наше время добрым людям нет благодарности. Потирая онемевшее запястье, я повернул голову ребенка прямо. Смотри вперед... то есть, осторожно, не врежься в метеорит.

— ...Ты, ты не бойся... ты мой младший брат, они не будут тебя обижать...

Я схватил его за волосы на затылке и завязал в узел, похлопав по голове. Его голос звучал всё тише, совсем не убедительно. Я лишь вздохнул: боишься здесь ты, ты застыл так, что тебя можно принять за статую.

— Мой малыш, ты самый красивый, когда серьезен. Тяньян, ты не хочешь просто наблюдать со стороны, но и не хочешь, чтобы малыш здесь погиб, заставляя моего малыша страдать, поэтому

все и ушли, верно? Контролировать разум маленького демона ведь так просто...

Войдя в пределы планеты Линъюань, А-Цзы ускорился и по прямой полетел к одному из мест. Скорость была слишком высокой, перед глазами всё расплывалось, я прищурился. Мы приземлились перед величественными красными воротами, на которых лежала печать. Руки А-Цзы, влажные от пота, сжимались всё сильнее, он прикусил язык и выплюнул каплю крови. Деревянные ворота впитали горячую кровь, и печать медленно рассеялась. Он поднял правую руку, ухватился за дверное кольцо, помедлил и с силой толкнул створки.

За воротами виднелись желтые камни, на искусственных холмах — древние деревья с молодыми побегами, полные жизни, тени бамбука колыхались, обвитые лианами. Не успел я толком всё рассмотреть, как А-Цзы потащил меня вперед. По пути попадались искусственные озера, галереи, каменные мостики, беседки, павильоны, залы... Тишина. Мы бежали по этому огромному саду, не встретив ни души, слышны были лишь наши шаги. Вода в озерах замерла, не знаю, есть ли там рыба, но даже листья лотоса не шевелились. Миновав старую корявую иву, мы прошли по галерее и свернули на тропинку, вымощенную галькой...

Спустя долгое время, когда ноги уже почти онемели, А-Цзы затащил меня в бамбуковую рощу. Здесь наконец-то всё выглядело нормально: ветер колыхал тысячи стеблей, слышался шум, похожий на драконий рык. Под ногами хрустела сухая бамбуковая шелуха, то и дело из земли пробивались ростки... Сквозь просветы между стеблями вдалеке показался бамбуковый домик, и А-Цзы закричал:

— А-Чжу! Сяо Лянь! Я вернулся!

Вскоре мы подбежали к домику, оттуда выскочили две фигуры. Увидев А-Цзы, они замерли, их глаза наполнились слезами: — Маленький господин, вы смогли войти в Синъюань... неужели вы прошли через кару? О небеса!

— Маленький господин, вы вернулись, ха-ха.

Мужчина по имени А-Чжу вытер слезы и собрался поклониться. А-Цзы поспешно остановил его и бросился ему в объятия, горько заплакав. Стоило ему зарыдать, как девушка по имени Сяо Лянь тоже начала плакать, и вскоре все трое завывали в голос. Наблюдая за этой сценой воссоединения, я понял по всхлипываниям, какое чудо, что А-Цзы смог попасть в этот сад.

А-Чжу: черные волосы, черные глаза, выглядит простодушно, но на голове два круглых черных уха — похоже, он превратившийся в человека панда. Сяо Лянь: серебристые волосы, голубые глаза, черты лица изящные, но желтое пятно размером с медную монету на левой щеке портило общую картину. Я не мог отвести взгляд от Сяо Лянь... кроме цвета волос и глаз, она так похожа на сестру. Ту самую сестру, которая на словах говорила, что ей плевать на мою жизнь, но в свой выходной час ехала на автобусе, чтобы приготовить мне обед...

— Ах, А-Цзы еще не доложил! Они разозлятся... — А-Цзы подпрыгнул. Я растерянно смотрел, как он подбежал ко мне и подтолкнул к Сяо Лянь. Легкий аромат лотоса... всё же это не она. Я

услышал слова А-Цзы: — Это мой младший брат, он хороший человек, Сяо Лянь, присмотри за ним. Я... подожди меня... — и он бросился вдаль, откуда донеслось эхо: — Младший брат, А-Цзы скоро вернется...

Кто твой младший брат? Неужели он забыл, что бессмертные могут перемещаться мгновенно или летать?

После ухода А-Цзы взгляды Сяо Лянь и А-Чжу стали холодными. Не то чтобы они меня ненавидели, но дистанция чувствовалась отчетливо. Я слегка отвернулся, не желая смотреть на лицо, похожее на сестринское, но с таким безразличным выражением, — сердце сжалось от боли. Очнувшись, я понял, что Сяо Лянь что-то говорила, я расслышал лишь последнюю фразу: — ...Молодой господин, пожалуйста, следуйте за служанкой.

Глядя на ее изящную фигуру, я закрыл глаза, глубоко вздохнул и пошел следом. Она не она...

Миновав бамбуковый домик, мы вышли к персиковой роще. Третий месяц весны, цветы благоухают, кружа голову. Я оглядывался по сторонам, но у меня не было настроения любоваться пейзажем. Сяо Лянь привела меня в изящный трехэтажный терем и толкнула дверь в главную комнату — антикварную, но в то же время странную. Мы прошли во внутренние покои: занавеси из жемчуга, резные ширмы, гуцинь под окном, шахматы на кушетке, стопки книг на столе, картины на стенах... если не считать отсутствия пялец, точь-в-точь девичья спальня...

— Молодой господин, поскольку передний двор закрыт печатью, прошу прощения за неудобства, отдохните в покоях юной госпожи. — Сяо Лянь слегка поклонилась и мягко произнесла.

— Передний двор закрыт? — я нахмурился.

Сяо Лянь была в замешательстве, слегка нахмурившись: — Эти дела не в моей компетенции. Если хотите знать, спросите у маленького господина, когда он вернется, хорошо?

Я не хотел видеть недовольство на лице, напоминающем сестру, поэтому улыбнулся, кивнул и замолчал. Сяо Лянь явно облегченно вздохнула, слабо улыбнулась, пообещала принести еду и удалилась. Я медленно подошел к окну и тронул струны гуциня — звук был приятным. Открыл окно, ветка персика заглянула внутрь, и лепестки, задетые рамой, дождем посыпались на пол. В нескольких метрах в озере плавали лотосы, вдали виднелась беседка. Я поймал несколько лепестков рукой, духовную энергию использовать нельзя, пришлось прибегнуть к внутренней, чтобы одним движением распахнуть остальные окна. Эта комната пустовала довольно долго.

Ночью я ворочался, не в силах уснуть. В конце концов, сел у окна, глядя на луну, отражающуюся в озере, и внезапно вспомнил историю о Чанъэ, летящей на луну. Здесь, как бы ни было похоже на реальность, это всего лишь игра. Почему мне так больно? Из-за того, что я увидел человека, похожего на сестру, я стал таким уязвимым?

Я взял гуцинь, выпрыгнул из окна и, босиком ступая по мягкой траве, сел под персиковым деревом у берега. Положил инструмент на колени и заиграл Лотос, выходящий из воды. Глядя на пальцы, порхающие по струнам, я чувствовал смятение. Зачем я вообще вошел в игру? Натворил дел и сбежал? Хочу узнать прошлое Тяньяна? Увеличить свою силу?... Всё это... или, может, я просто боюсь вкладывать чувства в реальный мир, боюсь боли при расставании... Хочу знать, будет ли кто-то рядом, когда придет время возвращаться домой... Хочу знать, сколько я значу для Тяньяна.

Дзынь! Я резко придавил струны и нахмурился: с чего это я стал таким неуверенным? Пальцы быстро задвигались, сменяя мелодию на Реку, полную красных цветов. К черту реальность или игру, выбросить всё из головы и решить текущие проблемы. Организация, в которой состоит А-Цзы, не должна существовать! А еще этот Синьюань, полный тайн, путы, связывающие бессмертных, и запечатанная энергия — нужно найти противоядие... Столько дел, нет времени на меланхолию.

<http://bllate.org/book/22448/2359531>